

соскочилъ съ пролетки и, поспѣшно подойдя къ П. П., заговорилъ:

— Гдѣ?! Гдѣ онъ? Арестованъ?!

— Ошибка-съ! Очень радъ, очень радъ!

— Кто же онъ? Вы удостовѣрились, — что онъ Нечаевъ?

— Это не онъ, это она: дама, женщина. Я достовѣрно удостовѣрился-съ — отвѣчалъ П. П.

Вскорѣ за П. П. Л. въ Курскѣ былъ полиціймейстеръ Θ. обожатель прекраснаго пола во всѣхъ его видахъ: особенно же симпатизировалъ онъ къ „рабынямъ веселья“.

Въ бытность Θ. полиціймейстеромъ въ въ Курскѣ чуть не во всѣхъ трактирахъ пѣли хоры пѣвицъ. Благодаря слабости Θ. къ пѣвичкамъ, захватывая пѣвичка съ смазливенькимъ лицомъ всегда могла въ Курскѣ имѣть и мѣсто и успѣхъ въ хорѣ; если ей содержатели хоровъ отказывали, то она являлась къ Θ., и онъ ее опредѣлялъ въ любой хоръ. Обыкновенно Θ., когда на его рекомендацію хозяину трактира пріѣзжей пѣвичкѣ хозяинъ говорить, что пѣвичка будетъ лишней, и безъ того ихъ много, грозно говаривалъ:

— А у васъ скандаловъ не бываетъ?

— Знаете, г. полиціймейстеръ...

— А у хористовъ вашихъ паспорта въ исправности?

Пѣвичка принималась въ хоръ.

У Θ. по случаю его постоянного пребыванія въ трактирахъ въ обществѣ пѣвичекъ и кутящихъ, бывали иногда пренепріятныя исторіи или, какъ говорятъ, инциденты.

Нѣкто Шольте, повздорилъ изъ-за пѣвичекъ съ Θ. въ трактирѣ. Встрѣтивъ его на публичномъ гуляньѣ въ городскомъ скверѣ, громогласно началъ ругать его по-французски. Вокругъ собралась публика. Понимающія французскій языкъ усмѣхались. Θ. ясно видѣлъ что они понимаютъ французскую ругань, но какъ протестовать? Свидѣтели могутъ отозваться незнаніемъ французскаго языка.

— Послушайте, — крикнулъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія полиціймейстеръ, — если вы ругаетесь, то, ругайтесь по-русски. Зачѣмъ же вы ругаетесь по-французски.

— Конечно такой протестъ вызвалъ въ публикѣ гомерическій смѣхъ.

Въ концѣ концовъ Шольте судился въ окружномъ судѣ за